

операции. Почему же члены этих комиссий не отправились вместе с нашей туристской группой в СССР? Там они увидели бы самое чудесное явление современности — подлинный коллективизм».

«Когда покидаешь пределы Советского Союза, — продолжает Браун, — нескорю вновь привыкаешь к мрачному, безнадежному выражению лица у встречаемых; оно кажется необычным после того, как видел озаренные радостью лица советских людей, добившихся победы коллективного строя и подлинного товарищества».

В заключительной главе книги Браун говорит о своем восхищении «огромными успехами Советского Союза, возрастающи-

ми не в арифметической, а в геометрической прогрессии», — о Советской Конституции, «дарующей право на труд и на отдых». Пример СССР, — таков вывод из книги Брауна, — показывает миллионам трудящихся капиталистических стран, как надо бороться за подлинный коллективизм.

Таким образом, книга Боба Брауна является не только очерком драматической истории «эксперимента в Льяно», но и документом, пропагандирующим среди американских читателей успехи первой в мире страны социализма.

В. Л. Рубин

ПЬЕТРО ДИ ДОНАТО. „БЕТОННЫЙ ХРИСТОС“. Изд. Боббс Меррил, Нью-Йорк, 1939. 311 стр. (Pietro di Donato. „Christ in Concrete“. The Bobbs Murrill Co., Indianapolis—New York, 1939, 311 p.)

Двадцать девять лет назад, в Уэст Хобокине, рабочем предместье Нью-Йорка, в семье итальянского рабочего-иммигранта родился мальчик. Когда отец его — укладчик кирпича — погиб при несчастном случае на стройке, двенадцатилетний подросток взял отцовские инструменты и сделался кормильцем семи малолетних братьев и сестер.

Эти события своего детства молодой рабочий автор, Пьетро ди Донато, изображает в своем первом романе «Бетонный Христос»¹. Роман начинается с описания последнего трудового дня в жизни каменщика Джеремио, веселого и сильного человека, который надеется вырастить всех своих детей — включая и ожидаемого, восьмого. День на исходе, близится желанный отдых. Но рушатся плохо укрепленные леса, опрокидываются огромные мешалки, и Джеремио заживо похоронен в бетоне.

Семья осиротела. Напрасны оказываются надежды вдовы на помощь строительной компании, на священника, на благотворительность. Дядя Луиджи, который обещал помогать, сам в результате несчастного случая становится калекой, лишним ртом. Главой семьи делается двенадцатилетний Поль, автобиографический герой романа ди Донато. Он должен ни в чем не отставать от взрослых рабочих и удержаться на работе во что бы то ни стало.

Вся жизнь Поля и его товарищей подчинена беспощадному повелителю Job — работе на капиталиста. «Job» дает им кусок хлеба, но высасывает все силы, он — источник жизни и постоянная угроза

смерти. И все же, когда удастся на время отогнать от дверей призрак голода, наступает бесхитрое веселье. Шумно празднуется свадьба одноногого Луиджи.

Люди, действующие в романе ди Донато, — отсталые, темные, беспомощные люди; они ищут избавления от страданий в молитве, в гадании у «пророчицы». «Бетонный Христос», по мысли автора, это не только они сами, распятые капиталистической Америкой; это также «Христос бедняков», к которому до самой своей смерти тщетно взывает мать Поля Аннунциата. Правда, сам Поль в конце книги освобождается из-под власти религии, разбивает распятие и лампаду.

Это — книга о жизни итальянских рабочих в Америке, книга с ярким национальным колоритом.

Огромный дом для бедноты, где ютится семья Поля, населен людьми многих национальностей: шведами, ирландцами, евреями. Все они одинаково беспомощны перед лицом капиталистической Америки, от которой они отделены двойной стеной — как бедняки и как иностранцы. Вдова Джеремио пытается получить пособие после смерти мужа. Он погиб по вине предпринимателей. Но в Бюро пособий равнодушные чиновники «пропускают» ежедневно сотни голодных, оборванных людей, часто неграмотных или не знающих английского языка. С ними обращаются так, словно сами они виноваты во всем, словно они «нарочно явились сюда, чтобы возбуждать жалость и даром получать американские доллары».

Картины жизни и страданий рабочих-иммигрантов — самое ценное в книге ди Донато. Эти страницы романа показывают, что нищета, бесправие и забитость остаются уделом рабочих в «передовой» капиталистической стране, так же как и 35 лет назад, когда Эптон Синклер писал свои «Джунгли».

¹ Первоначальным наброском для этого романа послужила одноименная новелла, напечатанная журналом «Esquire» и включенная О'Брайеном в его антологию лучших новелл за 1938 год.

Этим картинам, сохраняющим для ди Донато силу непосредственных детских впечатлений, он стремится придать максимальную выразительность. Но он еще не умеет достаточно глубоко осмыслить изображаемое. И это ослабляет социальную остроту его книги. Один из американских критиков обвинял ди Донато в антиреалистическом отрыве рабочей жизни «от крови ее сердца — рабочего движения», в том, что он изображает рабочих как покорных судьбе рабов. Дело не в том, конечно, что среди рабочих, выведенных ди Донато, нет революционеров, ведь он изображает крайне отсталую среду. Но создается впечатление, что сам писатель так же мало подозревает о существовании рабочего движения, как и его герои. И в этом смысле американский критик прав.

Натуралистические сцены (описание трупа погибшего рабочего, сцена гибели Джеремио) заслоняют иногда идейную сторону романа. Выводы остаются недосказанными. И в сюжетном отношении ро-

ман кажется незаконченным, оборванным. Молодой автор не вполне справился с большой формой. По существу, роман его состоит из бытовых и лирических отрывков, объединенных только общностью среды и настроения.

Своеобразен язык романа. Певучая, причудливо метафорическая фраза, с порядком слов и синтаксисом совершающая не английскими, усиливает итальянский колорит. Однако мнения ряда рецензентов относительно правомочности этого «англо-итальянского» языка расходятся. И действительно, в больших дозах он становится утомительным. Напевная речь, механически копирующая итальянские обороты, оказывается удачнее всего в диалогах, где она передает живой говор и национальный юмор. Но во «внутренних монологах» приподнятый тон этой речи переходит временами в истерическую бессвязность. В описаниях она порою чересчур цветиста.

З. Ган

ВАТАРУ КАЦИ. „ТРИ БРАТА“. Пьеса в 3-х действиях. „Интернациональная литература“ (английское издание), № 11—12 за 1940 г. (Wataru Kazi. „Three Brothers“. A three-act play. Translated from Japanese by Cicio Mar. „International Literature“, 11—12, 1940.)

Большинство современных передовых писателей Японии либо физически уничтожено, либо томится в тюрьмах. Лишь немногим удалось спастись. Среди них писатель Ватару Кац, чья пьеса «Три брата» идет уже год на сценах китайского народного театра.

Ватару Кац в прошлом — секретарь японской ассоциации пролетарских писателей. В 1929 году им была выпущена книга «Рабочие башмаки», которая сразу же по выходе была конфискована. Писатель неоднократно подвергался репрессиям за свою прогрессивную литературно-общественную деятельность. После освобождения из тюрьмы в 1935 г. Ватару Кац эмигрировал в Китай, где он в настоящее время принимает участие в освободительной борьбе китайского народа.

Пьеса «Три брата» рассказывает о судьбе простой рабочей семьи в Японии. Один из братьев, Жиро, находится в рядах армии, посланной японскими империалистами против китайского народа. Второй брат, Иширо, работает на военном заводе. Младший — революционер Сабро — скрывается в подполье. Действие пьесы происходит в квартире, где живет Иширо с больной матерью. Приходит сборщик квартплаты, негодующий на то, что семья уже три месяца не вносит денег хозяину дома. Однако денег у матери нет, и сборщик переходит к угрозам. Положение спасают пришедшие вместе с Иширо его товарищи по заводу.

Второй акт рисует бедствия семьи, особенно тяжелые в зимнее время. Получается известие о смерти Жиро, убитого в Китае. Взамен него в армию мобилизуется Иширо. Друзья обещают помочь его матери. Неожиданно появляется младший брат Сабро, узнавший о судьбе Жиро и мобилизации Иширо. Сабро внушает брату, что он не должен идти драться за чуждые ему интересы. Но Иширо колеблется. Он признает правоту брата, но не решается на борьбу. Спор братьев прерывается появлением полиции, пришедшей арестовать Сабро. Он оказывает сопротивление. В происшедшем столкновении Сабро ранен. Его уводит полиция. Потрясенная событиями мать умирает. Все это производит сильнейшее впечатление на Иширо, который решает послушаться советов Сабро. Он открыто бросает в лицо чиновнику, пришедшему вручить ему мобилизационную повестку, гневные слова, которыми заканчивается пьеса: «Теперь я все понял! Идите к чорту! Я не пойду на фронт. Я против империалистической войны!»

Пьеса Ватару Кац впервые была разыграна силами японских военнопленных в марте 1940 г. в городе Гуйлине. На английский язык она переведена китайским писателем Сисио Маром и напечатана в английском издании «Интернациональной литературы» (№ 11—12 за 1940 г.). Переводчик указывает, что перевод пьесы представляет большие трудности, так как в